

Моя Крапивна.

Крапивна... Когда-то замечательный уголок дореволюционной России, одна из ее провинций. Далекие предки наши умели выбирать места для поселения. Месторасположение Крапивны на редкость хорошее и более — прекрасное. Городок стоит очень высоко над всей округой, на большой горе. Вздывается он двумя расположенными последовательно высокими холмами, разделенными небольшим плато. На нем и втором крутом холме и раскинулась Крапивна.

Городок этот невелик. Его и теперь, по крайней мере, еще лет десять назад, можно было обойти по полям за полтора часа или немногим более. Окружают его две реки: Упа, приток Оки, и Плава, впадающая в Упу недалеко от нашего дома, на просторе полей. Природное окружение Крапивны поражает своим богатством, редкостной красотой, экологическим благоприятствованием. Реки, обвивающие ее своим полукружием, всегда были богаты рыбой. Свежая, только что выловленная речная рыба не была редкостью в меню горожан. Вдоль рек — просторные заливные луга. Весной и летом они благоухали ароматом разнообразных трав... За лугами, вдали, на горизонте — вековой лес «Засека», одна из достопримечательностей тульского края. Лес этот окружает городок с северо-западной его части.

Городок утопал в зелени. При каждом доме существовал сад, палисадник. Были они довольно обширны. Все это придавало городку особую прелесть и вместе — особый климат, здоровый, густо напоенный озоном. Никогда не было никаких эпидемий. Всякая нечисть мелкая — не водилась. Совершенно не было, например, комаров! Для них сухо и высоко. В городе не было никаких предприятий. Единственный винный завод находился за пределами Крапивны, верстах в десяти от нее, возле деревни Жердево.

Собственной, совсем еще детской памятью я хорошо помню Крапивну примерно с времени первой мировой войны. Помню Площадь — центр Крапивны — на самой макушке высоченной горы. Здесь все, что полагалось каждому уездному городу России. Прежде всего — собор, основанный в честь св. Николая Угодника, особо почитаемого в городе. Высокая колокольня, увенчанная золотым крестом, является своего рода знаменем или маяком города, указывающим путникам направление. По пути от Щекина она видна уже у деревни Пришня, за 10—12 километров. Здесь же, на Площади, — типичные для прошлой России торговые ряды. Белокаменные, как и здания полиции и суда. На площади располагались еще двух-трехэтажные кирпичные дома поскромнее. Это частные купеческие постройки, совмещающие жилые помещения с торговыми, со складами. А рядом — базарная площадь. Базары бывали два раза в неделю в установленные дни. Здесь же проходили и ярмарки. Западнее, за базаром, — кладбище с кирпичными воротами и церковью, где отпевали покойников. В городе было 6 храмов. Из них каким-то чудом сохранился один соборный. Остальные после революции либо сознательно разрушены, либо разграблены,

расхищены. Их кресты давно уничтожены, от куполов остались только ржавые решетки.

С юго-восточной стороны площади — Городской сад, замечательный уголок города. Внизу, на Плаве шумит мельница. Сад невелик, прекрасная аллея вековых лип с красивыми садовыми скамейками под ними составляет его главную часть. Есть скрытая беседка для музыкантов. Тогда в Крапивне имелся духовой оркестр. Летом по вечерам давались концерты. Звучала танцевальная музыка, марши, аранжировки народных русских и украинских песен.

Сад этот на рубеже 20-30-годов полностью уничтожен. Деревья вырублены. На его месте долго что-то строили. Оказалось, заводик для сушки овощей и фруктов. Другого места для него найти не могли, только в самом центре города, на месте сада.

Главная улица Крапивны — Чернская. Это была улица людей богатых. Есть на ней и каменные дома, даже двухэтажные. Здесь и дом купцов Пряничковых. Помню его потому, что в свои 12-13 лет была в нем на свадьбе Наташи Прусаковой, венчавшейся с сыном Пряникова. Было это в пору нэпа, где-то между 1922-1924 гг.

Продолжением Чернской улицы, через Площадь на север, является Никольская, в советское время — Коммунаров. Наша улица. Она победнее, попроще. Дома — одноэтажные. Встречаются и на каменных фундаментах. Есть кирпичные — деревенские пятистенки. Улица от Площади круто спускается под гору через мост оврага — к полю. В начале последнего квартала по левой стороне — наш домик. Дом Залесских. Он почти в поле. Отделен от него лишь четырьмя-пятью домишками. А когда он строился, еще в прошлом веке, был и совсем в поле. Начиная первый и последний квартал улицы.

Главная улица для меня всегда была Никольская. Город для меня начинался именно с нее и шел по крутому подъему к собору, к Площади. Ходить в центр Крапивны называлось «ходить в город» или «на гору».

За нашим домом и улицей, западнее, шла еще одна часть города, называвшаяся почему-то «Кавказ»... Кстати, в Крапивне не возникали какие-либо национальные проблемы и предрассудки. Возможно, благодаря тому, что население было исключительно русское. (Хотя Энциклопедия Брокгауза и Эфрона приводит данные по религиям на 1894 год: «Православных — 2768, раскольников — 27, католиков — 20, протестантов — 6, евреев — 12, магометан — 18, прочих — 8»). Даже цыгане, кочевавшие уже давно по всей России, появлялись здесь лишь изредка. Их табор раскидывался обычно в верхней богатой части городка. И тогда он оглашался криками: «Цыгане, цыгане приехали! Запирайте двери и калитки!» Это было событием и разнообразило довольно сонную жизнь населения, в том числе и в наше советское время.

В дореволюционной Крапивне важную роль играла сначала прогимназия, а потом и гимназия. Кое-что знаю об этом по рассказам бабушки. На рубеже 1860—1870-х гг. в Крапивну приехала и поселилась в ней сестра писателя Глеба Успенского. Открыла начальную школу и стала собирать детей не только из самой Крапивны, но и

из окрестных слобод. Среди первых школьниц была и моя бабушка — Лиза Прусакова из Московской слободы. Была добрая, ласковая, но строгая. Глеб Успенский приезжал к сестре, жил в Крапивне по несколько месяцев. Дом их сохранился...

Гимназия и прогимназия сосредотачивали в себе, пожалуй, основную часть интеллигенции дореволюционной поры. Это сохранялось и в двадцатые годы. Не случайно одним из лучших педагогов Москвы и директором ее показательной школы стал один из крапивенских учителей Новиков, заведовавший в двадцатых годах Крапивенским РОНО.

Профессия учителя до революции почиталась высоко. Учителя гимназии были людьми действительно интеллигентными, а иные — и высокоинтеллигентными... Высокий авторитет гимназии и ее учителей способствовал интересу учащихся к педагогике. Многие ученики получали аттестаты или свидетельства учителя начальных школ или домашнего учителя и всю последующую жизнь посвящали народному образованию. Так постепенно Крапивна превратилась в город учителей, преимущественно для сельских школ уезда.

Три моих тетушки — Елизавета, Раиса и Мария Алексеевны Залесские — тоже стали учителями, причем отличными, обучившими несколько поколений ребятишек. Накануне учебного года тетушки разъезжались по своим сельским школам. На каникулах возвращались в родной дом. Тогда, уже на моей памяти, в 20-х годах, над всеми другими разговорами в доме доминировали школа, учебники, программы, методические разработки...

Гимназия и прогимназия будили интерес учащихся к искусству и, в частности, к театру. Приобщали к театральному любительству через постоянно организуемые учителями и учащимися детские и юношеские спектакли, концерты, театральные вечера...

В Крапивне интерес к театру существовал издавна. Постоянного театра не существовало, но театральное любительство процветало. Особенно — до революции. А в 30-е годы заглохло. Изначально организаторами любительского театра были учителя. Со временем возник театральный кружок, играли преимущественно водевили, незатейливые комедии, были и серьезные классические пьесы глубокого содержания.

Я помню спектакли 20-х годов. Тогда активную роль в них играл мой дядя Василий Алексеевич Залесский, обладатель настоящего комедийного таланта, а также семья Глаголевых: Александра, Полина и Мария.

Александра Федоровна — прекрасный педагог, учитель математики, работала всю жизнь в московской показательной школе №10 у Новикова. Была человеком, по мнению горожан, вольного нрава, что свойственно и другим сестрам. Родила и воспитала троих детей, не имея официального мужа, не раскрыв никому, кто был их отцом или отцами. Полина Федоровна, совершенно не похожая на своих светловолосых сестер, имела ярко выраженную кавказскую внешность, была по-южному красива, всегда хорошо одета, эффектна, весела, общительна. В начале нэпа

жила в Туле, а потом в Москве. Был у нее муж с редким именем Таврион, как говорили тогда, «из бывших». Работал московским таксистом, в 30-е годы репрессирован, погиб в одном из лагерей.

Семья Глаголевых была интересной, одаренной. До революции, кажется, зажиточной. Жили они на Площади напротив собора, в двухэтажном доме, нижний этаж которого был явно торгового назначения. После октября 1917 г. дом национализировали, бывшим хозяевам оставили небольшое помещение в нижнем этаже. А в верхнем помещении организовали кино. Оно напоминало сарай: стояли деревянные скамьи, ничего другого не было. Летом всегда было душно, пыльно и полно блох. А так как блохи меня особенно любят, так же, как и комары и прочая мелкая нечисть, то, побывав там раз-другой, я больше в кино не ходила. Только на спектакли, пока еще существовал кружок любителей.

В жизни Крапивны немалую роль играла и Лесная школа. Находилась она километрах в 10-12 от города, в лесу за Упой, в той самой вековой Засеке, о которой я уже рассказывала. Вероятно, именно исключительность этого леса и обусловила организацию здесь этой школы. По рассказам домашних, понимаю, что значение ее было общероссийским, масштабным. В нее съезжались молодые люди со всей страны. По ее окончании можно было поступить в высшее учебное заведение — Лесной институт Петербурга. Но большинство выпускников шли на практическую работу, в неоглядные лесные просторы России. По фотографиям, сохранившимся в наших альбомах, «лесники», или «лешие», как их называли, — люди вполне взрослые, зрелые, в большинстве — бородатые. Иметь бороду тогда было модно. Впрочем, тогда взрослели рано, особенно мальчики, рано начинали трудовую самостоятельную жизнь.

В молодежной жизни «лесники» играли немалую роль. Вносили особый колорит. Знакомили с новыми, неизвестными, часто весьма отдаленными местами матушки-России, людьми, обычаями, характером быта, укладом жизни. Привносили новые идеи, свободолюбие, революционность, что тогда, в конце прошлого века, воспринималось молодежью с увлечением. Помню рассказ матери о том, что ее тогда вовлекли даже в некую (?) тайную революционную организацию. И только требование, которое ставилось при этом, — иметь мужество убивать в случае необходимости — заставило ее отказаться от предложения. Правда, кажется, оно исходило не от «лесников», а от студентов, приезжавших на столицы или из Москвы на каникулы.

После революции Лесная школа сохранилась. Была переведена в село Селиванове в прекрасный помещичий дом Волынского, чуть ли не единственную из больших дворянских усадеб, не сожженную крестьянами. С тех пор в жизни Крапивны ее слушатели никакой роли не играли.

В свободное время «лесники» любили бывать в городе, вечерами гуляли а саду, танцевали с барышнями под музыку духового оркестра. Иные, сдружившись с молодежью города, посещали дома своих друзей. Оторванные от семей, они с удовольствием приходили побеседовать, пообщаться в домашнем кругу, попить чайку,

а то и полакомиться домашними пирожками. И, конечно, приглашали к себе в лес, в сказочно-прекрасную Засеку. Здесь, на крутом берегу Упы, устраивали пикники. Собирались обычно по субботам, с вечера, на всю ночь и следующий день. Устраивали костер, пекли картошку, пили чай, беседовали. И, конечно, пели. А с приближением зари любители рыбной ловли спешили на берега Упы, закидывали свои удочки, добывали рыбу для дневной душистой ухи. Кое-кто влезал в заготовленные заранее шалаши, чтобы немного отдохнуть, все было разнообразно, интересно, весело и романтично.

Жизнь крапивенского общества, ее молодежи оживляли еще и домашние балы, вернее, вечеринки с танцами. Устраивались они по разным поводам, преимущественно в праздники, особенно рождественские, святочные на масленой неделе, в именинные дни либо по каким-то другим поводам. Конечно, в домах, располагавших большими помещениями, гостиной или залой. Эти вечеринки или балы, конечно, были зваными. Приглашались люди близкие хозяевам или чем-то для них интересные. Среди этих почти всегда бывала Шура Залеская, моя будущая мама. Милая, симпатичная внешность, скромность и достойная манера поведения, живость и общительность, а главное — всепоглощающая любовь к танцам привлекали к ней внимание всех собравшихся, а ее танцы вызывали всеобщий восторг...

Для меня существуют две Крапивны. Одна — дореволюционная и отчасти первого послереволюционного десятилетия. Другая — советская, особенно начиная с конца 20-х годов. Одна — в собственном детском восторженном познании мира и рассказах старших. Другая — в восприятии юности и зрелости: эта Крапивна — разрушающаяся, вернее, разрушаемая, очень далекая от прежней,

Когда-то процветавший уездный городок умирал постепенно. В 20-х годах он стал районным центром. Началась национализация. Хорошо благоустроенные, ухоженные дома отбирались у владельцев, передавались районным учреждениям — райкому партии, райисполкому и другим. Через год-другой дома эти, а также все, что их окружало, приобрело там хорошо знакомую нам безликость казенщины, полной неухоженности. Антирелигиозная кампания началась сперва с закрытия служб в храмах, а затем привела к их варварскому разрушению.

С конца 20-х годов облик Крапивны изменялся особенно стремительно. Играла роль и начавшаяся коллективизация. Многие старожилы покидали город целыми семьями. Разъезжалась молодежь. В Крапивне ей делать было нечего. Город пустел и все более хирел. Его состоянием представители советской власти, кажется, не интересовались абсолютно. В дореволюционной Крапивне улиц с мощеной мостовой было всего несколько. Мостовая их — булыжная, основательная, крепкая, время от времени подправлялась. За советское время, думаю, настоящего ремонта эти дороги не пережили. А шли по ним уже не лошадки, а грузовики. Из Засеки тарахтели по этим дорогам трактора, волокли огромные деревья, только одним концом укрепленные на машине, а другим расковыривающие, пашущие траву, выворачивающие еще сохранившиеся булыжники...

Улицы Крапивны, когда-то такие чистые, уютные, покрытые зеленым ковром муравы, теперь представляют картину полного упадка. В непогоду перейти на другую сторону — целая проблема. Зато для гусей, уток и свиней — полное раздолье. Только лошадки уже не встречаются. А раньше — были. Держать же на улицах скотину тогда строго запрещалось.

Во главе районных учреждений Крапивны преимущественно стояли люди или совсем для этого не подготовленные, или просто невежественные. Они часто менялись. Назначались иногородние, не знающие ни жителей, ни особенного уклада жизни и быта. Одним из последних начальников, не помню, был ли он первым секретарем райкома или председателем райисполкома, стал москвич, имевший в столице квартиру и семью. Крапивна для него никакого интереса не представляла. Захолустье, удаленное от железных дорог и даже от шоссе «Москва — юг». Этот глава города добился перенесения райцентра в молодой шахтерский поселок Щекино, ближе к дорогам и Туле. А Крапивна со своей большой историей, со своими традициями, пережившая все трагедии и взлеты Отечества, пережившая и последнюю страшную войну, стала неизвестно чем.

Какое-то время ее жители не понимали, где они теперь живут, — то ли, как раньше, в городе, то ли уже в деревне. Наконец, бывший городок получил статус поселка, а точнее — пгт (поселок городского типа)....

В этом рассказе я, конечно, не смогла дать хотя бы относительно полную картину этого уголка России. Да и задачи такой не ставила. Хотелось вспомнить, как-то обобщить, дать собственное восприятие и понимание родной, горячо мною любимой частички русской земли, моей Родины.